

2

Лишь сорок зим, объяв твоё чело,
По полю красоты пророют рвы,
Всё то, что взоры жадные влекло,
Тогда их станет отвращать, увы.
И спросят, где же прежняя краса,
Сокровища твоих весенних дней,
Ответ — хранят их впалые глаза;
Ответа нет постыдней и пошлей.
Куда достойней красоты такой
Иной ответ: «Прекрасный сын мой счёт
Оплачивает новой красотой».
В нём, скажешь, вновь краса твоя живёт.
И старость словно бы опять юна,
И в жилах кровь её не холодна.

4

Зачем же тратишь, миловидный мот,
Лишь на себя запасы красоты?
Природа от щедрот займы даёт,
Чтоб не берёг, но приумножил ты;
Тогда, прекрасный скаред, отчего ж
Ты захватил весь выданный заём?
Богач несметный, для чего живёшь
Не знающим лихвы ростовщиком?
С самим собою лишь ведя дела,
Себя же, милый, вводишь ты в обман:
И если бы Природа призвала,
Какой отчёт тобою был бы дан?
Красу свою не обращай в гнильё,
Наследнику ты завещаёшь её.

Боишься стать причиной вдовьих слёз,
 Коль обретёшь отцовские права?
 Ах! если б умереть тебе пришлось,
 Мир над тобою взвыл бы, как вдова;
 Мир, овдовев, скорбел бы всё лютей,
 Ведь ты подобья не создашь уже;
 Вдова же, в очи поглядев детей,
 Подобье мужа воскресит в душе.
 Послушай, всё, что не растратит мот,
 Лишь переходит и не убывает,
 Но кто прекрасен и бесплоден, тот
 Свою красу для мира убывает:
 Тот полюбить не может никого,
 Чьё столь к себе жестоко естество.

10

Стыдись, коль сердце холодно и пусто,
 Безлюбьем только сам себе вредишь.
 Столь многие к тебе питают чувство,
 Но ты ни на кого и не глядишь.
 Губительною злобою ведем,
 Себе же враг и тайный интриган,
 Ты разрушаешь тот прекраснѣй дом,
 Что был тебе для поддержанья дан.
 О, измени порочныхъ мыслейъ строй!
 Иль жить вражде там, где не жить любви?
 Прекрасенъ ликом, стань нежней душой,
 К себе хотя бы милость прояви:
 Создай своё подобие, любя,
 Чтоб красота жила и вне тебя.

11

Клонясь к закату, обретёшь расцвет
 Нежданный в жизни молодой, сыновьей,
 И кровь, что сыну дал во цвете лет,
 Ты вправе называть своею кровью;
 В том мудрость, красота и вечный рост,
 В противном — глупость, дряхлость и распад:
 Будь все, как ты, людскоѣ прервется род
 И ход времён лет через шестьдесят.
 Кто обделён Природой, может тот
 Исчезнуть, неотёсан и невзрачен;
 Но ты, наследникъ всехъ её щедрот,

К приумноженью оных предназначен:
Ты выточен Природой, как печать,
Чтоб оттиски любовно расточать.

12

Когда я слушаю, как бьют часы,
И вижу ясный день в плену ночном,
Фиалку, в коей вешней нет красы,
И смоль кудрей, облитых серебром;
Когда я вижу — голы дерева,
Спасавшие стада в палящий зной,
В снопах на дрогах мёртвая трава
Косматою белеет бородой;
Сознанием терзаюсь я тогда,
Что Время красоту твою сотрёт,
Красот и прелестей пройдёт череда,
Чтоб новые явились в свой черёд.
Серп Времени жесток, минует он
Того лишь, кто потомством защищён.

14

Хоть не по звёздам ход вещей слежу,
Всё ж астрология мне не чужда;
Но счастья и беды не предскажу,
Ждут мор иль голод, зной иль холода;
И подсказать бессильна ворожба
Кому грозит гроза, кому — дожди,
И в небесах не внятна мне судьба,
Что принцев ожидает впереди;
Но по звездам твоих небесных глаз
Я мудрость угадаю и прочту:
Чтоб с правдой красота навек срослась,
Отринь себя, спасая красоту;
Иль под своей могильною плитой
Схоронишь правду вместе с красотой.

21

Не с теми я, кто, Музой вдохновлён,
В честь крашеной красы влетает в стих
Весь цвет земной и самый неба склон
Для украшения идолов своих,
Рифмуя гордо солнце и луну,
Морские перлы, вешний первоцвет,

И пропустить боится хоть одну
Из поднебесных редкостных примет.
О, песне, как любви, противна ложь.
Клянусь: любимый мой, об этом речь,
По-детски светел, но не ярче всё ж
Сиянья золотых небесных свеч.
Пусть их болтают, я ж любовь свою
Хвалить не стану, я не продаю.

СОНЕТ 29

Когда, презрен Фортуной и толпой,
Отвержен, одинок, я слёзы лью,
Тревожу небо тщетною мольбой,
Гляжу в себя, кляня судьбу свою,
Ревнуня к тем, в ком жар надежд сильней,
Красивей кто, и льнут к нему друзья,
К тому, искусней кто и кто умней,
И в грош не ставлю то, чем счастлив я;
Себя тогда едва не презираю,
Но о тебе помыслю вдруг и рад,
Как жаворонок, на заре взлетая
С земли, петь гимны у небесных врат;
Богат мечтою о любви твоей,
Я не прельщусь уделом королей.

38

Моей ли Музе надобен предмет,
Коль дышишь ты и в мой вливаешь стих
Бесценный свой, сладчайший аргумент,
Прекрасный слишком для листов простых?
Благодари себя, коль иногда
Одобрить свой, мной созданный, портрет.
Иль и немой не воспое́т, когда
Ты изливаешь вдохновенья свет?
Явись десятой Музой, в десять раз
Достойней Девяти, а рифмачи
К тебе придут, ища заветных фраз, —
Бессмертному письму их обучи.
Коль миру Муза скромная мила,
Мне — вся страда, тебе же — вся хвала.

50

Как тяжек мне поход унылый мой,
В конце пути я обрести бы мог

Приют желанный, отдых и покой,
Но слышится: «Так друг теперь далёк».
Зверь подо мною, грузом бед моих
Придавлен, чуть не замер на скаку,
Инстинктом тёмным словно бы постиг,
Что скорость неугодна седоку:
Кровавой шпорой, изливая гнев,
Терзаю бок несчастного коня,
Он тяжким стоном отвечает мне,
Тот стон больнее шпоры для меня;
И болью отзывается в груди:
Скорбь впереди, а счастье позади.

55

Ни мрамор, ни злещёных статуй стать
Не могут пережить могучих строф,
Но ярче в них дано тебе блистать,
Чем в камне, стёршемся в грязи веков.
Войной ли, смутой будут сметены
Владык надгробья, камнетёсов труд, —
Ни Марсов меч, ни беглый огонь войны
Стихов, тобой внушённых, не сотрут.
Отринув смерть, беспамятность вражды,
Пребудешь; славен будешь сквозь века
В глазах грядущих поколений ты,
Подлунный мир не сносится пока.
Так до Суда последнего живи
В моих стихах, в глазах самой любви.

60

Как волны бьют о галечник морской,
Так и минуты наши свой исход
Спешат принять, одна вослед другой
Упорной цепью двигаясь вперёд.
Рождение, увидя свет едва,
Ко зрелости ползёт, к венцу её,
Но краток славы миг, и, дав сперва,
Скупое Время отберёт своё.
Пронзает Время юношества цвет,
Клеймит морщинами чело красы,
И существу всему спасенья нет
От вездесущей Времени косы.
Но образ твой хранит моя строка,
Над ней не властна вечности рука.

Когда я вижу: Времени рукой
 Сметён роскошный прах былых эпох;
 Твердыни рассыпаются легко,
 И, вечный, бронзовый не вечен бог;
 Когда я вижу: злобный океан
 Терзает сушу и в полон берёт,
 А та, восстав, оправившись от ран,
 Убытки обращает в свой доход;
 Когда я вижу: тверди нет ни в чём,
 И царства гибнут в смуте иль в бою,
 Тогда я скорбной думе обречён,
 Что Время заберёт любовь мою.
 Та мысль, как смерть; нет выбора: рыдать
 О том, чего бессилён не отдать.

Раз медь и камень, суша и вода
 Печальную не переселят брэнность,
 Что против этой силы красота,
 Когда сродни цветку её смиренность?
 О, что медовый лета аромат
 Перед губительной осадой дней,
 Когда и скалы вечно не стоят
 И Время — стали кованой сильней?
 О злая мысль! Куда верней всего
 Перл Времени от Времени сокрыть?
 И чьей руке замедлить бег его
 И в порче красоты умерить прыть?
 О чудо! В черноте моих чернил
 Сияние любви я сохранил.

Такую пору видишь ты во мне,
 Когда дрожит на ветке жёлтый лист,
 На хорах разорённых в вышине
 Уже не слышен птичий пересвист.
 Во мне ты видишь сумеречный свет
 Светила, пережившего закат,
 И ночь стирает света бледный след,
 И тьмою, тенью Смерти, мир объят.
 Во мне ты видишь тусклый свет огня
 Средь пепла юности, прощальный пыл,
 Он мертвенней, слабей день ото дня,

Тем пожираем, чем и вскормлен был.
Всё видишь ты, но любишь тем сильней,
Чем меньше у любви в остатке дней.

81

Мне ль эпитафию тебе слагать,
Тебе ли выжить, коль сгнию в земле;
Тебя отсюда смерти не изъять,
Хотя никто не вспомнит обо мне.
Нетленным будешь в трепетных строках,
Я ж весь умру для мира в некий час:
Земли могила мой примет прах,
Тебя ж — гробница человечьих глаз.
И памятник тебе — мои стихи,
Их вновь и вновь потомки перечтут,
И жизнь твою расскажут языки,
Когда все ныне сущие умрут;
Ты будешь жить — так мой всесилен стих —
В дыханье жизни и в устах живых.

87

Прощай! Мне слишком дорого владенье
Тем кладом, что ты оценил сполна:
Ты волен получить освобожденье
По закладной, что мной прекращена.
Как удержу тебя я против воли?
И чем богатства эти заслужил я?
Причины нет во мне для дара боле,
И мой патент утрачивает силу.
Себя дарил, цены себе не зная,
Иль обо мне тогда судил превратно;
И щедрый дар свой, здраво рассуждая,
Законно забираешь ты обратно.
Я, как король, во сне владел тобою,
Но вот и пробужденье роковое.

90

Коль разлюбить тебе, так уж сейчас;
Сейчас, когда я роком согнут в рог,
Судьбы орудьем став, рази сплеча,
Но только не в последний страшный срок.
Ах, если скорби превозмочь дано мне,
Ты в арьергарде бед не приходи;

Вослед ненастной ночи неуёмной
Не приводит рассветные дожди.
Покинь меня, но не в конце чреды
Невзгод, напастей, горестей и бед,
Уйди в начале; тем исполнишь ты
Судьбы всеильной волю и завет.
Пойму за гранью рокового дня,
Что горя нет страшнее для меня.

91

Кто родом горд своим, кто мастерством,
Кто златом, кто избытком силы в нём,
Кто платьем модным, хоть висит мешком,
Кто соколом и гончей, кто — конём;
И нраву всякому своя отрада,
В ней счастье для него заключено;
Но мне подобных частностей не надо:
Есть общее, и главное, одно.
Твоя любовь превыше всех родов,
Дороже злата, модного шитья,
Милее соколов и скакунов;
Тобой владея, горд богатством я:
И жалок страхом, что уйдёшь тайком,
Оставив самым жалким бедняком.